

Военно-стратегические концепции КНР и сетецентрические войны будущего

© 2013

А. Шлындов

В статье исследуется развитие военно-теоретической мысли Китая в конце XX – начале XXI вв., когда США и другие западные страны начали на практике применять разработанные ими новейшие методы ведения боевых действий, характерные для войн будущего. Автор показывает, как эти новации, впервые использованные США и их союзниками по НАТО против Ирака и бывшей Югославии, повлияли на формирование современных военно-стратегических концепций КНР.

Ключевые слова: стратегическая концепция, сетецентрические боевые действия, кибероперация, радиоэлектронное противодействие, информационная система.

Современная военно-стратегическая теория КНР базируется на философском постулате, согласно которому, мир пребывает в постоянном движении, когда в каждый конкретный временной период одни государства находятся на подъеме, а другие переживают спад. В соответствии с изменениями в расстановке сил на мировой арене меняются и базовые национальные интересы государств, формируются их новые политические, экономические, военные цели и задачи. Военно-стратегические концепции КНР исходят из того, что существенное влияние на поведение любого государства на международной арене оказывает процесс исторического развития его политико-экономической системы, определяющей ментальность его правящих кругов.

Исходя из этого, США в лице их правящей элиты будут стремиться к сохранению всеми имеющимися средствами, включая военно-силовые, своей глобальной гегемонии, достигнутой в результате геополитического поражения Советского Союза и коренной перестройки мирового порядка на условиях американского диктата.

Глобальная гегемония до сих пор позволяла США обеспечивать собственное процветание и благополучие за счет эксплуатации ресурсов других государств, включая КНР. Однако в условиях становления Китая как новой сверхдержавы современного мира, совокупная мощь которой в среднесрочной перспективе позволит поставить под вопрос американскую глобальную гегемонию, последний превращается в главного геополитического соперника Америки.

С избранием в марте 2003 г. Ху Цзиньтао на пост председателя КНР все более отчетливо стала просматриваться не только перспектива, но и точные временные вехи выхода Китая по показателям ВВП и ВВП на уровень США. Учитывая сохраняющиеся в последнее десятилетие даже в условиях мирового экономического кризиса стабильно высокие темпы экономического развития КНР и длительную стагнацию американской

экономики, эксперты рассчитали, что к 2018–2020 гг. Китай станет мировой экономической державой № 1.

В этой связи у китайского политического и военного руководства возникли серьезные опасения, что американская правящая элита, воспитанная на идеях *Rax Americana* или мироустройства на основе глобальной гегемонии США, попытается помешать Пекину оспорить американское лидерство. Обозначается все отчетливее, что, потерпев поражение на экономическом фронте, Вашингтон будет препятствовать дальнейшему возвышению КНР в других сферах, а именно в развитии технологий, особенно в военной области. При этом, по выводам китайских экспертов, в интересах ослабления Китая, уклоняясь от прямого вооруженного столкновения с ним, США будут провоцировать очаги напряженности, перерастающие в военные конфликты разной степени интенсивности в периферийных зонах, прилегающих к сухопутным и морским границам КНР.

По мнению китайских военных теоретиков, по мере усиления Китая и превращения его в полновесную сверхдержаву будет нарастать и противодействие этому процессу со стороны США. Официальный орган Министерства обороны КНР газета «Цзефанцзюнь бао» утверждает даже, что «Запад вынашивает планы ослабления Китая. Враждебные западные силы усилили свою стратегию, направленную на то, чтобы подчинить Китай западному влиянию и расколоть его. В ход идут все средства»¹.

В интересах подготовки к локальным (региональным) войнам в Китае заблаговременно, еще в 1993 г. были разработаны и приняты «Основные положения военной стратегии для нового периода», которые стали базовым руководящим документом, устанавливающим стратегические и оперативные цели и задачи, в соответствии с которыми должно осуществляться строительство вооруженных сил и системы обороны страны на среднесрочную перспективу. Основные усилия государства предполагалось направить на формирование оборонного потенциала, позволяющего вести эффективные боевые действия и одерживать победу в таких локальных (региональных) войнах.

В соответствии с этим документом обосновывались основные параметры производственных мощностей ОПК (оборонно-промышленный комплекс), численность и структура вооруженных сил, количество и качество вооружения и военной техники. Он определял цели, задачи и этапы развития НОАК, основы применения войск и сил флота, регламентировал боевую подготовку и обучение личного состава, а также его воспитание и другие стороны деятельности.

Ключевой оперативной составляющей «Основных положений» стал принцип «активной обороны», который предусматривал четкое планирование предстоящих операций по этапам и временным рамкам, достижение и удержание инициативы в ходе боевых действий, усиление мобильности обороны, переход в наступление при благоприятных условиях для его успешного осуществления, активное применение ассиметричных действий, различных способов и приемов введения противника в заблуждение, использование сильных сторон своих войск и слабых противника.

«Основные положения военной стратегии для нового периода» являлись основополагающим документом, определяющим перспективный облик всех вооруженных сил на краткосрочный и среднесрочный период. Тем не менее, в условиях бюджетных ограничений на первом этапе он предусматривал ускоренную модернизацию и, соответственно, приоритетное финансирование военно-морских и военно-воздушных сил, которым будет принадлежать решающая роль в выполнении задач локальных (региональных) войн.

Одновременно предлагалось изменить существовавшее соотношение численности видов вооруженных сил в пользу ВМС и ВВС: на их базе планировалось создать так называемые «силы повышенной готовности», то есть боеготовые группировки ВМС и ВВС, укомплектованные по штатам военного времени и оснащенные высокотехнологическим вооружением и военной техникой. Такие группировки планировалось развернуть

на основных конфликтоопасных направлениях. Они должны были быть способны к быстрому реагированию, т.е. проведению эффективных операций за пределами национальных границ и на довольно значительном удалении от них.

Необходимость учитывать все более отчетливую тенденцию к наращиванию усилий США по противодействию процессу становления КНР в качестве новой сверхдержавы побуждает китайское руководство к разработке новой общегосударственной стратегии, предусматривающей активизацию роли Китая на международной арене, приведение ее в соответствие с ведущей позицией в мировой экономике.

В настоящее время в китайском политическом и военном истеблишменте, в функции которого входит выработка и реализация политики в сфере обеспечения национальной безопасности, имеются три группы, которые, разделяя конечные цели превращения Китая в великую державу, способную эффективно отстаивать свои интересы не только в зонах, прилегающих к его границам, но и в масштабах всей планеты, отстаивают разные методы достижения этой цели.

Первая группа призывает руководствоваться стратегией Дэн Сяопина, выработанной им в начале 1990-х гг. и ориентировавшей китайское руководство в ходе осуществления внешнеполитического курса страны «по возможности избегать демонстрация великодержавных амбиций, обеспечивать защиту наших позиций в спокойной манере, выжидать благоприятного момента, скрывать свои намерения и возможности»². Ее представители считают, что стратегия национальной безопасности Китая и его внешняя политика должны, в первую очередь, быть направлены на создание благоприятных условий для внутреннего развития КНР, отвергая претензии на региональное и тем более глобальное лидерство.

Представители второй группы считают, что в современных условиях мирового развития ограничительный подход Дэн Сяопина не только не состоятелен, но и контрпродуктивен. Они исходят из того, что Китай должен в интересах усиления своего влияния в мире активно сотрудничать как с международными и региональными организациями, так и с отдельными их членами, в первую очередь с ведущими государствами современного мира, главное место среди которых занимают США, участвовать под эгидой этих организаций в миротворческих, спасательных и других гуманитарных операциях, оказывать экономическую помощь государствам «третьего мира». Все это, по их мнению, должно быть направлено на формирование положительного имиджа Китая в мире, убеждение народов и руководителей не только соседних стран, но всего международного сообщества в том, что возвышение КНР базируется на неуклонном следовании принципам мира и не представляет угрозы безопасности других государств, а напротив, является стабилизирующим фактором мирового развития.

Третья группа, позиции которой были обозначены в опубликованной в 2009 г. в КНР книге «Китай недоволен»³, считает, что для Китая настало время проявить жесткость и напористость в отстаивании своих национальных интересов в отношении других государств, включая США, оказывать более активное противодействие курсу Вашингтона, направленному на сдерживание Пекина, ослабление его влияния в Восточной Азии, создание коалиционных объединений в АТР, направленных против Китая.

Некоторые эксперты считают, что идеологической основой в разработке новой стратегической линии КНР на международной арене станут идеи, проповедуемые именно третьей группой. На наш взгляд, главной задачей стратегии по-прежнему будет оставаться сохранение возможностей Китая оказывать максимальное воздействие на формирование внешних условий, благоприятствующих его дальнейшему развитию, особенно в тех областях, которые определяют статус государства как великой державы, а именно: наукоемкая экономика постиндустриальной эры, передовые технологии во всех сферах деятельности, особенно в военной. По нашему мнению, разработчики новой стратегии попытаются конвергировать идеи всех трех групп. При этом в ней, как нам кажется, в ка-

честве основополагающей будет заложена идея если не отказа от ограничительных установок Дэн Сяопина, то, по крайней мере, их существенного ослабления.

В экспертном сообществе Китая ведутся активные дебаты о том, какими боевыми возможностями должна обладать НОАК для надежной защиты и продвижения комплекса национальных интересов, соответствующего новому статусу КНР в мире в условиях нарастающего противодействия ей со стороны США. Китайские специалисты осознают, что несмотря на общую тенденцию к спаду американской мощи, США остаются самым сильным в военном и технологическом отношении государством мира.

К началу XXI в., опираясь на свою мощную научно-теоретическую базу и технологическое превосходство, они создали опережающие теоретические и практические заделы и наработки в развитии технологий принципиально новых видов и типов вооружения и военной техники ведения войн будущего и на основе их применения обеспечить неоспоримое военное превосходство над любым противником в военных конфликтах по всему спектру их интенсивности. Прежде всего США удалось достигнуть прорывных результатов в области разработки сетецентрических информационно-управляющих систем. Более того, «американские специалисты смогли интегрировать в сквозные контуры управления современные средства поражения и все необходимые элементы оперативного обеспечения, главным из которых являлось информационное. Одновременно был кардинальным образом повышен уровень автоматизации всех процессов боевого управления войсками и высокоточным оружием»⁴.

Практическая проверка и отработка отдельных элементов сетецентрической концепции ведения боевых действий была осуществлена в ходе военных операций против Югославии и в двух иракских кампаниях.

Детально проанализировав и обобщив опыт указанных операций, китайские военные теоретики пришли к выводу, что происходит не просто совершенствование принятой в США и НАТО «концепции воздушно-наземной операции» в соответствии с развитием информационных технологий, а начинается эпоха принципиально новых войн, получивших название сетецентрических. Суть таких войн заключается в том, что победа достигается не за счет перевеса сил и средств, а на базе создания благоприятных условий для более эффективного их применения. Такие условия в сетецентрических войнах обеспечиваются выходом на качественно новый уровень функционирования комплексной системы сбора, обработки и распределения боевой информации, то есть создания разветвленной многоуровневой информационно-коммутационной сети, обеспечивающей получение всех необходимых данных в масштабе времени, близком к реальному, органами управления войсками всех уровней и ударными (огневыми) средствами. Как показал опыт боевых действий США и НАТО против Ирака и Югославии, роль основной ударной силы сетецентрической войны отводится современным авиационным комплексам «самолет+высокоточное оружие (ВТО)». При этом, как отмечают китайские военные аналитики, ведущая роль авиации, оснащенной средствами ВТО, неуклонно повышается. В ходе операции «Буря в пустыне» (1991 г.) США и их союзники для нанесения воздушных ударов применяли 10% высокоточного оружия, против Югославии — уже 40%, а в ходе последней иракской кампании (2003 г.) американская авиация в 80% случаев поражала заданные цели высокоточным оружием⁵. Технологии ведения сетецентрической войны продолжают развиваться одновременно с совершенствованием информационно-коммутационных и огневых средств. Начиная с операции в Афганистане, в 80% боевых вылетов авиации США данные целеуказания поступают в память бортовых ЭВМ практически в реальном масштабе времени в процессе всего полета с помощью системы боевого планирования и управления авиацией на ТВД (TBMCS — theater battle management core system). Система способна отслеживать до 1000 наземных целей в час⁶.

Активное применение авиации в качестве ударного средства во всех военных конфликтах конца XX — начала XXI вв. было направлено, в первую очередь, на разру-

шение объектов военной инфраструктуры, пунктов управления (командования), связи, разведки, аэродромов, складов ГСМ, узлов связи, систем жизнеобеспечения (включая энергоснабжение) ракетных комплексов ПВО, живой силы и военной техники, что в большинстве случаев приводило к деморализации противника, парализовывало его волю к сопротивлению и в итоге обеспечивало достижение целей войны с минимальными потерями своих сил.

В этих условиях перед политическим и военным руководством Китая встал комплекс задач по обеспечению готовности страны к высокотехнологическим войнам будущего. В ходе его реализации, по мнению китайских военных экспертов, было необходимо: а) разработать комплекс мер парирования сетецентрической угрозы; б) не допустить серьезного отставания в создании технологий и средств ведения сетецентрических войн. Эти задачи могли быть решены путем комплексной информатизации НОАК, которая, с одной стороны, должна быть направлена на противодействие концепции сетецентрической войны, а с другой — обеспечивала бы возможность активного применения собственных аппаратных устройств и технологий сетецентрических боевых действий.

Эта задача впервые была озвучена в выступлении Председателя КНР, Генерального секретаря ЦК КПК, председателя Центрального военного совета (ЦВС) Цзян Цзэминя на 16 съезде КПК в 2002 г. Китайский лидер заявил тогда, что ускоренная модернизация НОАК, а также достижение высокой эффективности проведения совместных интегрированных операций должны базироваться на информации, которая обеспечит включение НОАК в единую информационную систему и позволит выработать новую организационную модель для ведения современных боевых действий⁷. Эта установка была подтверждена на XVII и XVIII съездах КПК. В выступлении Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао серьезное внимание было уделено развитию высокотехнологичных вооруженных сил, соответствующих новому международному статусу КНР, способных эффективно обеспечивать безопасность и стабильное развитие страны в новых условиях. Приоритет модернизации вооруженных сил Китая был подтвержден и новым высшим руководством страны. В ходе инспекционного посещения Ланьчжоусского военного округа в феврале 2013 г. председатель Центрального военного совета КНР, Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин подчеркнул огромную значимость модернизации вооруженных сил Китая, призвав личный состав НОАК всемерно повышать боеготовность армии, обеспечивать ее способность одерживать победу в любых военных конфликтах, которые могут возникнуть в будущем⁸. Ранее, во время поездки в провинцию Гуадун в декабре 2012 г., он заявил: «Для того, чтобы мечта о возрождении китайской нации стала былью, страна должна в первую очередь в полном объеме реализовать план создания мощных вооруженных сил»⁹. В качестве официальной концепция информатизации была принята НОАК в 2004 г., хотя работы по этому направлению целенаправленно велись с начала 2001 г., когда Цзян Цзэминь утвердил программу укрепления национальной безопасности № 998, известную под названием «Оружие победы», которая была нацелена на усиление инновационной составляющей в развитии высоких технологий в оборонно-промышленном комплексе Китая. Основное внимание в этой программе уделялось разработке высокотехнологических систем «двойного использования» в интересах скорейшего создания новейших средств ведения войны («оружие победы») для обеспечения надежной защиты национального суверенитета и безопасности КНР»¹⁰.

Китайские военные специалисты пришли к выводу, что для эффективного решения задач системоразрушения как главного метода борьбы с сетецентризмом необходимо, в первую очередь, создать силы и средства для нарушения обмена информацией (коммуникаций) между объектами противника в боевом пространстве. Поскольку передача информации осуществляется, главным образом, через спутниковые каналы связи, основным элементом противодействия сетецентрическим боевым действиям является более или менее долговременный вывод из строя или нарушение функционирования

космического эшелона средств сете- и каналобразования. В результате временная задержка или нарушение прохождения информации от средств разведки (наблюдения) к пунктам обработки и распределения информации, командным пунктам (центрам управления), а от последних к огневым (поражающим) или препятствующим функционированию информационно-коммутиационных систем средствам не только существенно сужает базовые преимущества сетечетризма, но и дает возможность вводить противника в заблуждение, передавая по его каналам ложную информацию.

Военные специалисты, разрабатывающие стратегические концепции КНР и технологии ведения боевых действий в военных конфликтах будущего, рассматривают космос как одно из основных пространств для ведения высокотехнологических войн информационного века.

Как заявил в ноябре 2009 г. в интервью армейской газете «Цзефанцзюнь бао» главнокомандующий ВВС НОАК генерал-лейтенант Сюй Цилян, «Китай обязан развивать свои боевые возможности в космосе, поскольку тот, кто контролирует космос, будет занимать доминирующие позиции в мире». Космическое пространство, по мнению китайских военных экспертов, становится основным полем противодействия концепции сетечетризма, а главным объектом такой борьбы являются спутники системы управления связи и разведки противника¹¹. Соответственно, одной из приоритетных целей китайского политического и военного руководства является приобщение к передовым технологиям, обеспечивающим способность усилить боевые возможности НОАК в космосе.

Китайские военные эксперты считают, что в комплексе средств активного противодействия концепции ведения сетечетрической войны центральное место занимают противоспутниковые системы, а также силы и средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и радиоэлектронного подавления (РЭП) наземного, воздушного и космического базирования. Важное место в комплексе средств РЭБ и РЭП отводится разработке бортовой аппаратуры для противодействия ракетам с инфракрасными головками самонаведения (ИК ГСН), а также созданию специальных самолетов РЭБ и РЭП, оснащенных станциями постановки помех в диапазоне низких и высоких частот и их подавления комплексами противодействия средствам связи, радиолокационным станциям и информационно-коммутиационным системам. Параллельно китайские специалисты ведут интенсивные работы по созданию аналогичных систем космического базирования. Многие из них уже приняты на вооружение НОАК и активно применяются.

Наряду с расширением возможностей своих собственных космических средств разведки, наблюдения, навигации и связи путем создания группировки искусственных спутников Земли (ИСЗ) соответствующего назначения, китайские специалисты добились существенных результатов в разработке активных (ударных) систем, способных выводить из строя или препятствовать нормальному функционированию ИСЗ потенциального противника в период развития кризисных ситуаций или конфликтов.

ННОКР по созданию таких систем (ракет, лазеров направленной энергии, бортовой аппаратуры РЭБ) в Китае были начаты в 80-е годы прошлого века, а с 1990-х гг. их разработке было официально придано приоритетное значение национальной программы.

В январе 2007 г. в Китае было осуществлено успешное испытание противоспутниковой ракетной системы, которая на высоте около 850 км с помощью кинетической боеголовки уничтожила отработавший свой ресурс собственный метеорологический спутник FY-1C¹². В период с сентября 2004 г. до января 2007 г., по данным американской разведки, КНР провела четыре успешных испытания ударного противоспутникового оружия и готовится к их принятию на вооружение. В дополнение к противоспутниковым ракетам китайские специалисты разрабатывают противоспутниковое оружие космического базирования, в частности, ряд военных НИИ успешно продвигает ННОКР по созданию высокоманевренных микропутников, которые как миниатюрные «космические камикадзе» будут направляться в сторону ИСЗ противника и поражать его кинетической

энергией, а также космических лазерных систем направленной энергии, предназначенных для выведения из строя радиоэлектронного оборудования космических объектов противника путем высокотемпературного воздействия. Серьезного прогресса китайские ученые и инженеры добились в разработке автоматических космических систем много-разового использования, аналогичных советской «Энергия-Буран».

Китай давно и весьма продуктивно занимается подготовкой к широкомасштабным операциям в киберпространстве как оборонительного, так и наступательного характера. Китайские военные специалисты отмечают в своих работах исключительную важность завоевания господства в электромагнитной среде, начиная с ранних стадий развития военного конфликта, и считают это главным условием достижения победы. Эксперты НОАК разработали и ввели в оборот специальный термин «интегрированная сетевая радиоэлектронная борьба», наиболее полно характеризующий РЭБ в сетевых боевых действиях.

В теоретических трудах китайских военных, ученых и специалистов, разрабатывающих перспективные модели проведения совместных (интегрированных) операций разнородных и разнородных сил и средств, подчеркивается, что «интегрированная сетевая радиоэлектронная борьба» является одним из составных элементов таких операций в сетевых боевых действиях. Решение задачи достижения господства в электромагнитной сфере оценивается как одно из важнейших условий достижения победы над противником. Как заявил один из ведущих специалистов в этой области, руководитель соответствующего направления в Университете национальной обороны НОАК полковник Си Гуанъя, «контроль над глобальным информационным пространством позволяет захватить инициативу в боевых действиях уже на первой стадии военного конфликта». Он охарактеризовал киберпространство как главный оплот обороны страны, более важный, чем океанские акватории»¹³.

По данным японских разведывательных источников, для разработки аппаратных систем и технологий проведения кибератак в КНР привлечено более 120 тысяч специалистов. Многие из них прошли курс обучения в специальной школе подготовки инженеров-компьютерщиков НОАК, открытой еще в 1988 г. в г. Ланьсян провинции Шаньдун. По данным японских экспертов, на строго охраняемой территории площадью около 130 га расположен комплекс учебных корпусов и административных зданий. По их оценкам, в стенах этого учебного заведения одновременно обучается более тысячи специалистов, а за время его существования для НОАК было подготовлено более 30 тысяч инженеров-компьютерщиков¹⁴. Помимо этой школы, в НОАК имеется специализированный университет информатики, который наряду с подготовкой высококлассных специалистов проводит НИОКР по разработке программного обеспечения для проведения киберопераций. Согласно заявлению его руководителя генерал-майора Ван Чжэньдэ, «Китай должен уметь эффективно защищать не только свои сухопутные морские и воздушные границы, но и национальное киберпространство»¹⁵.

В последние годы китайские компьютерщики провели целый ряд успешных киберопераций, позволивших им проникнуть в хорошо защищенные информационно-коммуникационные сети правительственных и военных органов, закрытых научно-исследовательских институтов, занимающихся созданием высокотехнологичного вооружения и военной техники, включая стратегические ракетно-космические средства, в сети компаний-разработчиков инновационного оборудования двойного назначения многих стран, включая США. Полученные таким образом секретные документы, касающиеся передовых научно-технических разработок и технологий, позволили Китаю создать в более короткие сроки и с меньшими финансовыми затратами собственные технологии, существенно сократив его отставание от передовых стран-лидеров инновационного развития.

В докладе, который подготовил Национальный совет по разведывательной информации, утверждается, что США являются объектом массовой и систематической кампании кибершпионажа, угрожающей конкурентоспособности страны. При этом аналитический орган американского разведсообщества недвусмысленно называет Китай главным источником, откуда исходит угроза кибершпионажа. На протяжении последних пяти лет китайцы активно добывали закрытые сведения в таких сферах, как энергетика, финансы, информационные технологии, аэрокосмическая и автомобильная промышленность. При этом главной задачей китайских хакерских атак является получение секретных данных об американских технологиях военного и двойного назначения.

В 2011 г. китайские хакеры смогли получить защитные программы ведущих корпораций оборонно-промышленного комплекса США. С помощью таких программ им, в частности, удалось проникнуть в компьютерные сети Lockheed Martin — одного из главных поставщиков ракетной и аэрокосмической техники для вооруженных сил США¹⁶. Помощник президента США по национальной безопасности Том Донилен, выступая 12 марта 2013 г. в Нью-Йорке на заседании Азиатского общества, впервые на высоком официальном уровне обвинил КНР в хакерских атаках на американские учреждения и компании. Он заявил, в частности, что «американские компании выражают самую серьезную и все возрастающую обеспокоенность по поводу изощренной, целенаправленной кражи их закрытой информации и технологий, являющихся интеллектуальной собственностью, путем беспрецедентных по своим масштабам кибервторжений со стороны Китая»¹⁷. В ходе прошедших в американском Конгрессе в марте 2013 г. ежегодных слушаний об угрозах безопасности США директор национальной разведки Джеймс Клэппер утверждал даже, что кибератаки, способные парализовать инфраструктуры и экономику страны, в настоящее время представляют собой самую серьезную из всего спектра угроз национальной безопасности США, даже более острую, чем атаки международных террористов¹⁸. Аналогичное мнение об операциях китайских специалистов по взламыванию информационных сетей высказал и глава командования США в области кибербезопасности К. Александер, который утверждал, что результатом таких атак стала «самая большая в истории передача богатства»¹⁹. Китайские хакеры похитили множество американских секретов, включая стратегию переговоров, которые проводят американцы, чертежи и документацию по разрабатываемым США самолетам и ракетному вооружению следующих поколений, системам контроля за полетом ракет и т.д.

В ближайшей перспективе военное руководство Китая намерено создать в структуре вооруженных сил специальный орган, отвечающий за проведение операций в киберпространстве, наподобие созданного в США киберкомандования. По информации японских СМИ, ссылающихся на китайскую армейскую газету «Цзефанцзюнь бао», в НОАК уже созданы специальные киберформирования, руководство которыми осуществляет отдел одного из управлений Генерального штаба НОАК²⁰. Одно из этих секретных подразделений — войсковая часть 61398 располагается в Шанхае. По заявлению председателя комитета по разведке в палате представителей американского Конгресса, оно проводит регулярные массированные кибероперации против США²¹. В октябре 2011 г. с участием этих киберформирований в районе Бохайского залива было проведено первое широкомасштабное совместное учение сухопутных войск, военно-воздушных, военноморских сил и второго артиллерийского корпуса (стратегических ракетных войск) НОАК, в ходе которого отрабатывались совместные операции разнородных (разнородных) сил в условиях активного применения кибероружия. Задействованное в этом учении специальное киберформирование решало задачи по выводу из строя автоматизированных систем управления, контроля, связи, разведки, целеуказания условного противника путем проведения массированных кибератак, использования средств РЭБ против информационно-управляющих коммутационных сетей условного противника и защиты аналогичных собственных средств²².

Самое серьезное внимание руководство НОАК уделяет разработке и развитию автоматизированных систем управления войсками (АСУВ) и оружием разного уровня и предназначения.

Чрезвычайно высокая динамичность и скоротечность операций в военных конфликтах будущего диктует необходимость многократного сокращения времени принятия решения на ведение боевых действий, которое должно быть адекватно складывающейся боевой обстановке. Достижение этого требования возможно лишь посредством активного применения средств автоматизации управления войсками и оружием. В частности, для эффективного и устойчивого управления авиацией как основной ударной силой сетечен-трических боевых действий ставилась задача разработать соответствующие сетевые архитектуры и аппаратные средства качественно нового уровня, а также методики и технологии их боевого применения, обеспечивающие органам управления ВВС различных уровней возможность решения всего спектра функциональных задач. В этих условиях необходимо было, с одной стороны, разработать, принять на вооружение и создать группировки сил и средств многоцелевых авиационных комплексов «самолет + высокоточное оружие», а с другой — разработать системы автоматизации управления, повышающие их боевые возможности. При этом указанные автоматизированные системы управления должны быть ориентированы не только и не столько на методологию управления локальными группировками авиации, сколько обеспечивать способность эффективного и устойчивого управления формированиями разнородных сил и средств в ходе проведения совместных (интегрированных) операций, где авиации принадлежит ведущая роль.

Применительно к воздушно-космическим операциям китайскими военными специалистами обосновывается необходимость формирования сбалансированного состава систем вооружения интегрированной сетевой радиоэлектронной борьбы (РЭБ), одним из основных элементов которой является авиационная составляющая, развитие подсистем радиоэлектронного подавления (РЭП), защиты радиоэлектронных средств (РЭС), систем снижения заметности, совершенствования информационно-управляющих подсистем РЭБ.

При этом ставится задача интегрирования воздушных, космических, наземных и морских средств РЭБ в единую систему, базирующуюся на развитии цифровых направлений аппаратуры наблюдения и радиоэлектронного подавления.

В качестве основного ударного средства в современных и будущих военных конфликтах, особенно в локальных (региональных) войнах, китайские эксперты рассматривают авиационные комплексы «самолет + дальнобойное высокоточное оружие», позволяющие наносить эффективные точечные удары, не заходя в зону действия ПВО/ПРО противника.

В 2004 г. в Китае был разработан и принят в качестве официального документ под названием «Интегрированные воздушные и космические операции», обобщавший все вышеуказанные наработки китайских ученых и военных специалистов, и фактически представлявший собой новую стратегию ведения боевых действий в воздушно-космической сфере. В соответствии с ее требованиями, при формировании новой структуры авиационного парка ВВС НОАК из его состава активно выводятся морально устаревшие образцы авиационной техники и вооружения, которые не отвечают современным требованиям как встраиваемости в единое информационное пространство, так и сопряжения со средствами всестороннего обеспечения решения задач управления, целеуказания, навигации, связи, метеорологического обеспечения и т.д.

Все это дает основания сделать вывод о том, что китайская военная мысль не стоит на месте, она идет в ногу со временем, упорно ищет и находит эффективные ответы на современные и перспективные военные угрозы.

1. Независимая газета. 2013. 17 апр.
2. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China, 2010. URL: <http://www.defense.gov/Advisories/Advisory.aspx?AdvisoryID3248>
3. Сун Сяодун, Ван Сяоцзы, Сун Цзян, Хуан Цзису, Лю Ян. «Чжунго бу гаосюн» [«Китай недоволен»]. Пекин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 2009.
4. Национальная оборона. 2012. № 11 (80), ноябрь. С. 36.
5. Там же. С. 37.
6. Там же. С. 37.
7. Цзефанцзюнь бао. 2002. 9 ноября.
8. The Yomiuri Shimbun. 2013. 14 Febr.
9. Ibid.
10. Цзефанцзюнь бао. 2001. 13 февр.
11. Цзефанцзюнь бао. 2009. 10 ноября.
12. Indigenous Weapon Development in China's Military Modernization" US-China Economic and Security // Review Commission Staff Research Report. 2012. 5 April. Primary Author: Amy Chang, USCC Research fellow for Military National Security Affairs. Washington, 2012. P. 14.
13. The Asahi Shimbun. 2013. 13 Febr.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Независимая газ. 2013. 12 февр.
17. Независимая газ. 2013. 13 марта.
18. Независимая газ. 2013. 14 марта.
19. Независимая газ. 2013. 3 июня.
20. The Asahi Shimbun. 2013. 13 Febr.
21. Независимая газ. 2013. 19 февр.
22. The Asahi Shimbun. 2013. 13 Febr.